

интересов добросовестных участников играет первостепенную роль в обеспечении стабильной экономической деятельности.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНЖЕНЕРИИ

Д. Д. Кузурова

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
law.kuzurova@bsu.by*

На современном этапе развития подход к использованию генетической инженерии носит весьма неоднозначный характер. В целях учета складывающихся реалий и новизны данного явления следует уделять особое внимание законодательству в этой сфере. Данная статья рассматривает понятие генетической инженерии и приводит легальные дефиниции ее составных частей. Осуществляется подробный анализ нормативно-правовой базы и исследуются имеющиеся отраслевые проблемы правового регулирования. Предлагаются возможные пути их решения, проводятся параллели с зарубежным законодательством и наднациональным правом.

Ключевые слова: генетическая инженерия; генно-инженерная деятельность; генно-инженерный организм; защита прав потребителей.

Легальное определение генетической инженерии содержится в Законе Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 96-З «О безопасности генно-инженерной деятельности» (далее – Закон о безопасности генно-инженерной деятельности). Так, в соответствии со ст. 1 Закона о безопасности генно-инженерной деятельности генетическая инженерия – это технология получения новых комбинаций генетического материала путем проводимых вне клетки манипуляций с молекулами нуклеиновых кислот и переноса созданных конструкций генов в живой организм, в результате которого достигаются включение и активность их в этом организме и у его потомства.

Дефиниция технологии, в свою очередь, закреплено в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 11 мая 2016 г. № 363-З «Об экспортном контроле»,

под которой понимается научно-техническая информация, в том числе секреты производства (ноу-хау) и другие результаты интеллектуальной деятельности (права на них), которая выражена в форме моделей, прототипов, чертежей, диаграмм, проектов, инструкций, программных продуктов либо в неосязаемой форме – обучение, техническое обеспечение (обслуживание) и которая требуется для разработки, производства или использования товара. Соответственно, если воспользоваться методом буквального толкования, то технология представляет собой научно-техническую информацию, под которой в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 5 мая 1999 г. № 250-З «О научно-технической информации» понимается сведения о документах и фактах, получаемых в ходе научной, научно-технической, инновационной и общественной деятельности.

На основании этого, резюмируем, что нормативное определение генетической инженерии как технологии равнозначно восприятию ее в качестве сведений, объектом которых выступают новые комбинации генетического материала. Результатом использования таких сведений является генно-инженерный организм – живой организм, содержащий новую комбинацию генетического материала, полученную с помощью генетической инженерии (п. 6 ст. 1 Закона о безопасности генно-инженерной деятельности) (далее – ГМО), активно использующийся в хозяйственной деятельности при производстве сельскохозяйственной и микробиологической продукции.

Вместе с тем, п. 11 Приложения 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономике» устанавливает, что к VI технологическому укладу относятся, в том числе, генно-инженерные технологии. Употребление такого словосочетания является плеонастическим по своей сути, ведь генная инженерия и так является технологией.

Научно-техническая информация получается при выполнении научной, научно-технической, инновационной и общественной деятельности. Понимая под инновацией введенные в гражданский оборот или используемые для собственных нужд новую или усовершенствованную продукцию, новую или усовершенствованную технологию, новую услугу, новое организационно-техническое решение производственного, административного, коммерческого или иного характера (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 19 июля 2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной

деятельности)), по своему смыслу использование генетической инженерии осуществляется именно в ходе инновационной деятельности: появляются новые генно-инженерные организмы, использующиеся в дальнейшем субъектами.

Инновационность генетической инженерии доказывается некоторыми положениями Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348. Устанавливается, что «основные усилия будут направлены на: стимулирование разработок технологий, товаров и услуг, соответствующих V и VI технологическим укладам, в том числе за счет приоритетного их финансирования, а также экспортоориентированных разработок ...». Генетическая инженерия, как уже было упомянуто, подпадает под понятие технологий VI технологического уклада.

Применение технологии получения комбинаций генетического материала также непосредственно связано с научной и научно-технической деятельностью. Так, Общегосударственный классификатор Республики Беларусь «Виды экономической деятельности», утвержденный постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 5 декабря 2011 г. № 85 (далее – Классификатор), относит исследования и опытно-конструкторские работы в области генной инженерии к научным исследованиям в области биотехнологий как к самостоятельному виду экономической деятельности.

Вместе с тем, легальное содержание понятия «генно-инженерная деятельность» значительно шире указанного в Классификаторе вида деятельности. Под генно-инженерной деятельностью следует понимать деятельность, связанную с созданием генно-инженерных организмов, осуществлением работ с генно-инженерными организмами в замкнутых системах, высвобождением их в окружающую среду для проведения испытаний, использованием в хозяйственных целях, ввозом в Республику Беларусь, вывозом из Республики Беларусь, транзитом через ее территорию генно-инженерных организмов, их транспортировкой, хранением и обезвреживанием (ст. 1 Закона о безопасности генно-инженерной деятельности).

Так, например, использование ГМО в хозяйственных целях корреспондирует с регламентированным в Классификаторе разделом «Растениеводство и животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях» – в него включается производство продукции растительного и животного происхождения, в том числе генетически модифицированной и экологически чистой продукции. Иначе говоря, данные правоотношения являются типично аграрными и подпадают под регулирование норм аграрного законодательства. При этом ч. 2 ст. 3 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 года № 102-З «О селекции и семеноводстве сельскохозяйственных растений» провозглашает приоритетность норм законодательства о безопасности генно-инженерной деятельности. Однако, относить такие отношения исключительно к аграрным также представляется ошибочным, ибо сам процесс создания рассматриваемого блага представляет собой ни что иное, как хозяйственную операцию, совокупность которых образует хозяйственную деятельность.

Отношения по возникающим в связи с ввозом в Республику Беларусь, вывозом из Республики Беларусь, транзитом через ее территорию и использованием генно-инженерных организмов, регулируются законодательством об экспортном контроле (ч. 4 ст. 2 Закона о безопасности генно-инженерной деятельности). Законодательство о безопасности генно-инженерной деятельности в данном случае носит субсидиарный характер.

В этой связи, можно утверждать об отсутствии реального внедрения понятия «генно-инженерной деятельности» в нормативно-правовой массив и разрозненности нормативной регламентации в данной сфере. Речь, скорее, ведется о множественности правоотношений, осложненных объектом ГМО, что значительно затрудняет их единое правовое регулирование. Поэтому, обособление генно-инженерной деятельности в отдельный вид экономической деятельности позволит распространить единые требования, предъявляемые к использованию генетической инженерии, с дальнейшим включением в Закон Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-З «О лицензировании».

Ст. 2 Закона о безопасности генно-инженерной деятельности устанавливает, что «действие настоящего Закона не распространяется на отношения, связанные с применением генетической инженерии к человеку, его органам и тканям, обращением с лекарственными средствами ... ».

Данные отношения являются предметом регулирования законодательства о здравоохранении и направлены, в первую очередь, на обнаружение и применение более эффективных методов лечения человека. Однако, к примеру, генно-модифицированные ветеринарные препараты вообще не упоминаются в законодательстве.

Вместе с тем, генно-инженерное вмешательство в человеческий организм прямо коррелирует с биоэтическими нормами. А. А. Мохов, в частности, отмечает: «Прежде чем внедрять новые методы, способы, технологии в повседневную практику, необходимо предпринять все возможные меры по изучению, исследованию рисков. При этом не все риски могут быть выявлены, а выявленные – получают правильную оценку в ограниченный период первичного наблюдения, исходя из имеющихся достижений науки и техники, в связи с чем, следует руководствоваться методом «малых шагов». Какое-либо необоснованное ускорение в данной сфере чревато наступлением непоправимых последствий для жизни и здоровья всей нации» [Цит. по: 1].

В этой связи, полагается должным наличие нормативного запрета на редактирование зародышевого генома (клонирование), что характеризует в большей степени законодательство западноевропейского региона. Так, например, статья 119/а Конституции Швейцарской Федерации строго запрещает клонирование и генетические модификации человеческих зародышевых клеток и эмбрионов. Закон ФРГ о защите эмбрионов, выступая дополнительным уголовно-правовым актом, устанавливает уголовную ответственность за искусственное изменение генетической информации клетки зародышевой линии человека; использование человеческой гаметы с искусственно измененной генетической информацией в целях оплодотворения также влечет уголовно-правовые последствия (ст. 5).

Однако, указанный аспект подлежит правовому учету отечественным законодателем не в полной мере. Так, согласно ч. 1 ст. 18-3 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении», под биомедицинскими клеточными продуктами следует понимать пересадочный материал, полученный на основе клеток человека, за исключением эмбриональных, фетальных стволовых и половых клеток человека. По смыслу диспозиции использование эмбриональных, фетальных стволовых и половых клеток человека не запрещается, а лишь не входит в

содержание дефиниции биомедицинских клеточных продуктов. Таким образом, белорусский законодатель никак не запрещает на уровне законодательства о здравоохранении изменение человеческого генома путем модификации эмбриональных, фетальных стволовых и половых клеток.

Ввиду возможности повлечь неспрогнозируемые последствия для жизни и здоровья населения наряду с регламентацией законодательного запрета также предлагается установить уголовно-правовую ответственность за совершение данного деяния, последовав по западноевропейской траектории.

Криминализация клонирования при этом не является типичной для уголовного законодательства государств, исторически входящих в состав СССР. Тем не менее, Республика Беларусь, вправе апробировать, к примеру, опыт Молдовы: статья 144 Уголовного кодекса Республики Молдова устанавливает уголовно-правовую ответственность за создание человеческих существ путем клонирования. Более подробное правовое отражение деятельности по клонированию человека получил Уголовный кодекс Республики Казахстан, предусмотрев три состава преступления (ст. 129).

Таким образом, отечественное законодательство не санкционирует действия по клонированию человека, что не может считаться допустимым. Потенциальная общественная опасность клонирования, вызванная недостаточностью изученности биологических и социальных последствий редактирования человеческого генома, должна корреспондировать с ответственностью за совершение названного деяния. Ввиду этого, предлагается внесение соответствующих изменений в нормативно-правовую базу.

Рассматривая более детально осуществление генно-инженерной деятельности как хозяйственной деятельности, следует обратиться к ее легальному пониманию. Так, использование генно-инженерных организмов в хозяйственных целях разъясняется как разведение и (или) выращивание (культивирование) генно-инженерных животных, сортов генно-инженерных растений и штаммов непатогенных генно-инженерных микроорганизмов для производства сельскохозяйственной и микробиологической продукции (ст. 1 Закона о безопасности генно-инженерной деятельности). Результат такой деятельности обременен в коммерческую форму и направлен на реализацию продукции потребителям.

В соответствии с подпунктом 2.4. пункта 2 статьи 7 Закона от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) информация о товарах (работах, услугах) в обязательном порядке должна содержать указание (т.е. маркировку) на то, что продукт питания является генетически модифицированным или в нем использованы генетически модифицированные составляющие (компоненты). Получение достоверной информации о товарах (работах, услугах) является правом потребителя (п.п. 1.2. п. 1 ст. 5 Закона о защите прав потребителей) и тесно связано со свободой выбора товара (работы, услуги) (п.п. 1.3. п. 1 ст. 5 Закона о защите прав потребителей).

Вместе с тем, Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 021/2011 О безопасности пищевой продукции, утвержденный решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 880, содержит следующее положение: «... содержание в пищевой продукции 0,9 процентов и менее ГМО является случайной или технически неустранимой примесью, и такая пищевая продукция не относится к пищевой продукции, содержащей ГМО ... » (п. 9 ст. 7). Данные требования распространяются в одинаковой мере на всех государств-участников Таможенного союза ЕАЭС, включая Республику Беларусь.

Целесообразно также прибегнуть к опыту европейских стран в части установления технических требований к маркировке продукции, содержащей ГМО. «Настоящий раздел не должен применяться к продуктам питания, содержащим материал, который содержит, состоит или произведен из ГМО в пропорции, не превышающей 0,9 процента ингредиентов продукта питания, рассматриваемого индивидуально, или продукта питания, состоящего из единственного ингредиента, при условии, что это присутствие случайное или технически неизбежное», – устанавливает пункт 2 статьи 12 Регламента № 1829/2003 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О генетически модифицированных продуктах питания и кормах».

Идентичное процентное соотношение ГМО на уровне Европейского союза интерпретируется кардинально иначе: маркировка генетически модифицированного товара (работы, услуги) является необязательной только при условии случайности или неизбежности попадания ГМО в пищевую продукцию. Требования Таможенного союза ЕАЭС, напротив, выступают презумпцией случайного или непреодолимого использования ГМО в

количестве, не превышающем 0,9 процента. При таком подходе доля маркированной продукции, содержащей в составе ГМО, сводится к минимуму.

Следовательно, продукты питания, содержащие указанный процент генетически модифицированных компонентов, де-юре не считаются товарами, произведенными в результате генно-инженерной деятельности. Так, исследования Федеральной службы Российской Федерации по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека продуктов питания на присутствие генетически-модифицированных организмов продемонстрировали нахождение ГМО в составе большей части продукции на российском продовольственном рынке [2]. Фактическое отсутствие информации о продукции, в которой присутствуют примеси ГМО, нарушает права потребителей и вводит их в заблуждение.

На этом основании, предлагается постепенно направлять отечественную методологию по европейскому курсу. Внешнее обозначение нахождения в продукции ГМО независимо от его количественного содержания позволит потребителю тем самым осуществлять свободный выбор товара (работы, услуги), опираясь исключительно на объективные фактические данные о нем (них).

Таким образом, настоящая статья выделяет следующие проблемные, не урегулированные достаточным образом нормами права, области:

1. Многообразие понимания понятия «генно-инженерная деятельность» и разрозненность законодательства;
2. Отсутствие четких критериев легальности вмешательства в человеческий геном и вместе с тем отсутствие уголовно-правовой ответственности за клонирование человека;
3. Недостаточно полная защита потребителя в рамках использования генетической инженерии в хозяйственных целях.

Учет законодателем вышеперечисленных аспектов позволит упорядочить генно-инженерную деятельность и обеспечить как проведение эффективной государственной политики, так и реализацию своих прав и законных интересов субъектами частного интереса. Представляется, что назрела необходимость переосмысления действующего законодательства, которое должно найти выражение в балансе между признанием примата

достоинств генетической инженерии и поэтапном проведении научных исследований с целью недопущения нарушения прав и свобод человека.

Список использованных источников:

1. Посулихина, Н. С. Правовые режимы развития генетических технологий в медицине: опыт зарубежных стран [Электронный ресурс] / Н. С. Посулихина // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 1. – С. 167–180. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-rezhimy-razvitiya-geneticheskikh-tehnologiy-v-meditsine-opyt-zarubezhnyh-stran>. – Дата доступа: 11.10.2023.
2. Арапов, К. В. Отдельные проблемы правового регулирования генно-инженерной деятельности в РФ [Электронный ресурс] / К. В. Арапов, О. Л. Коноваленко // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 71–6. – С. 9–12. – Режим доступа: elibrary.ru/download/elibrary_45567575_44699990.pdf. – Дата доступа: 11.10.2023.

ИНСТИТУТ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

В. В. Кухарчик

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
valerialuce42@gmail.com*

Введение института банкротство физических лиц является актуальным ввиду активного роста потребительского кредитования в стране. В статье представлены основные преимущества и недостатки функционирования данной процедуры.

Ключевые слова: банкротство; физические лица; реструктуризация долга.

В белорусской экономике и правовой системе важное значение имеет институт банкротства. Так, организации и индивидуальные предприниматели, которые не могут исполнять обязательства перед своими контрагентами и,